

---

Л. И. АКСЕЛЬРОД  
(ОРТОДОКС)

ЭТЮДЫ  
И  
ВОСПОМИНАНИЯ



---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ЛЕНИНГРАД  
1925

## ПАМЯТИ ВЕРЫ ИВАНОВНЫ ЗАСУЛИЧ.

### I.

В лице Веры Ивановны Засулич Россия похоронила одну из замечательных исторических личностей. Вера Ивановна пользовалась искренней любовью и широкой популярностью не только в культурной части русского населения, но и была хорошо известна Западной Европе и Америке.

Кто из интеллигентных людей не слышал о русской героине?

Кто не знает хоть что-нибудь о знаменитом процессе 1878 г.?

Вера Ивановна родилась в дворянской семье. Свое образование и воспитание она получила в пансионе, в котором обучали главным образом французскому языку и хорошим манерам. Французским языком Вера Ивановна владела прекрасно, но манер «хороших» не усвоила. Энергичная, мужская походка, порывистые движения, полное и абсолютное равнодушие к своей внешности являлись очевидной противоположностью ее среды и служили лишним доказательством свободы и независимости этой замечательной женщины.

Когда ей было лет шестнадцать, Вера Ивановна знакомится с революционной средой и за представленный ею известному тогда революционеру Нечаеву адрес для конспиративной переписки расплачивается двухлетним тюремным заключением. С этого момента Вера Ивановна становится жертвой самодержавного русского правительства. Чередуются тюрьма и ссылка, ссылка и тюрьма. Чтобы хоть на время избавиться от преследования, Вера Ивановна переходит на нелегальное положение и селится в 1878 году в Петербурге под чужим паспортом.

В этот период правительственная реакция растет и нагнет. Одним из проявлений наглости реакции было подлое издевательство над политическим заключенным, осужденным на каторжные работы, Боголюбовым. Петербургский градоначальник Трепов, друг Александра II, отдал приказание подвергнуть Боголюбова телесному наказанию за то, что этот последний отказался исполнить его приказ снять перед ним шапку при встрече на тюремном

дворе во время прогулки политических. Экзекуция была приведена в исполнение . . .

Вера Ивановна Засулич, не зная лично Боголюбова, почувствовала своей гордой и свободной душой истинной революционерки весь ужас и все значение этого факта.

Она решается на свой собственный страх и риск наказать негодяя и показать царскому правительству, что есть сила, которая при нужде может карать его палачей. Она отправляется к градоначальнику Трепову и, подав прошение, выстрелила в упор и нанесла ему тяжелую рану. Бросив револьвер, она остается на месте, сохраняя спокойствие, не делая попытки бежать; она тут же была, конечно, арестована и заключена в тюрьму.

Правительство, будучи, повидимому, уверенным в строгом суде над «злоумышленницей», назначило публичный суд с присяжными заседателями. Процесс происходил при торжественной обстановке. Зал суда был переполнен. Ждали приговора с напряжением. Суд вынес оправдательный вердикт. Ясно, что на скамье подсудимых оказалась не Вера Ивановна, а русское правительство. Судили по существу не «злоумышленницу», а раненого Трепова вместе с его высоким покровителем Александром II.

Непосредственно после суда правительство, сознав свою ошибку, немедленно отдало приказ арестовать В. Засулич. Но друзьям и товарищам, при сочувствии людей из общества, удалось спасти Веру Ивановну, которая уехала за границу.

Вера Ивановна не была террористкой по своим политическим убеждениям. Совершенный ею террористический акт был естественным и непосредственным ответом на величайшее издевательство, совершенное над достоинством человека и революционера, в лице которого правительство нанесло оскорбление революционной партии. Не больше. Тем не менее выстрел В. Засулич является *прелюдией* к новой эпохе в русском революционном движении.

Возникшее тогда в среде революционного народничества течение, начинавшее признавать террор, как средство политической борьбы, черпало, без сомнения, в блестящем успехе процесса Веры Ивановны убедительное доказательство силы и значения террористической деятельности.

И на самом деле, успех был неожиданно ослепительный. Правительство, действительно, проявило растерянность. Тем не менее сама Вера Ивановна не поддается влиянию собственного успеха. Это люди с незначительной умственной и нравственной устойчивостью становятся часто жертвами и рабами того или

другого положительного результата своей деятельности. Другое дело Вера Ивановна.

Она, судя по всему, проходит спокойно мимо своей собственной удачи, которая не увлекает ее на путь террора. Наоборот: она ищет новых методов борьбы. После кратковременного пребывания за границей она возвращается в Россию нелегально, конечно, работая в народнических революционных кружках. Но в 1880 г. она снова едет за границу, где волей исторической судьбы остается на долгие годы.

Начало 80-х годов знаменует собою новую реакцию. В блестящей, героической деятельности «Народной Воли» революционное народничество достигло своего наивысшего драматического завершения. Казнь царя не дала непосредственных результатов. Наоборот: ближайшим следствием убийства Александра II была Голгофа, на которой погибли лучшие силы «Народной Воли». Революционные ряды народовольческого направления были расстроены, более активные и деятельные элементы изолированы. Одни сидели в тюрьмах и на каторге, другие эмигрировали, словом «иных уже не было, а другие были далече». Уцелели второстепенные и третьестепенные деятели, напоминавшие собою второстепенных и третьестепенных персонажей в трагедиях Шекспира, остающихся бродить по сцене, на которой лежат трупы главных героев, павших на поле битвы жизни.

Это — период растерянности и искания. Вера Ивановна Засулич принадлежит к искателям.

Обладая крупным и ясным умом, я бы сказала — мужским — если бы и мужчины не были различны в умственном отношении — большой любознательностью, а потому самому отчетливым сознанием необходимости теоретических знаний для революционера, Вера Ивановна много работает теоретически, пользуясь широко той возможностью, которую дает западно-европейская культура.

В процессе выработки своих новых теоретических убеждений она сближается с Георгием Валентиновичем Плехановым, который, как известно, закладывает в тот период фундамент русского марксизма.

Вера Ивановна становится инициативным членом Группы «Освобождение Труда», в состав которой, кроме нее, входили Павел Борисович Аксельрод, Лев Григорьевич Дейч и глава и вдохновитель этой первой социал-демократической организации в России Г. В. Плеханов.

Эта славная, имевшая такое глубокое историческое значение группа шла против течения. Нужно было много нравственного мужества, думаю, что не менее нравственного мужества, нежели

для покушения на Трепова, чтобы стать членом непопулярной в то время организации, вступившей в решительную схватку со старым утопическим народничеством.

Вера Ивановна является, таким образом, героиней *двух важнейших этапов* в развитии русского революционного движения.

Условия, в которых приходилось работать славным деятелям Группы «Освобождения Труда», поистине каторжные. Нет материальных средств, кругом враждебная атмосфера, не замечается на первых порах и сочувствия в России, словом, пришлось строить, в известном смысле, на «голой земле», но не голым людям, а людям, хорошо вооруженным истинно социалистическими убеждениями, знаниями, революционным опытом, горячим и благородным стремлением к настоящему развитию народных масс и серьезным сознанием долга и ответственности. Члены Группы «Освобождение Труда» сами собирают средства на свои издания, сами пишут, сами переводят, а Вера Ивановна сверх того по ночам и набирает. Вера Ивановна принимает энергичное и деятельное участие во всех изданиях Группы «Освобождение Труда». Ее талантливому перу принадлежат, кроме оригинальных произведений, также переводы из классических вещей по вопросам марксизма.

Лихорадочно и добросовестно работая по всем этим направлениям, Вера Ивановна не перестает учиться, живо интересуясь всеми главными проблемами гуманитарных наук. «Критику Чистого Разума» Канта она изучала вместе с Георгием Валентиновичем и очень хорошо была ориентирована в общем ходе Кантовской работы, что, разумеется, дело не легкое, требующее весьма серьезной степени отвлеченного мышления.

В области общего миросозерцания Вера Ивановна была и осталась до последних дней своих материалисткой, и в полном смысле этого слова сознательной материалисткой.

Вообще Вера Ивановна принадлежала к тем редким избранным натурам, которые ничего не принимают на веру. Ее пытливого критическому уму всегда был свойствен плодотворный здоровый скептицизм, движущий мысль вперед. Имея счастье встречаться с Верой Ивановной с 1893 года, я вынесла твердое убеждение, что эта замечательная женщина занимает место в первом ряду русских образованных и мыслящих людей.

Весьма своеобразным было и ее литературное дарование.

Мне кажется, что главными отличительными свойствами истинного художественного дарования является, во-первых, прстота; во-вторых, действительное переживание, будь это интеллектуального или эмоционального характера, того содержания, которое изображается художником, публицистом или философом. Этими двумя качествами отличаются все произведения Веры Ивановны. Все просто и все пережито. Нет признака

литературщины, и совершенно отсутствует казенная революционная фраза.

Третьим периодом в ее революционно-политической деятельности является ее активное участие в борьбе против так называемого экономизма.

Сравнительные успехи массового рабочего движения в России, с одной стороны, «ревизионистская» мысль, шедшая к нам из Германии, с другой, создают в конце 90-х годов прошлого столетия течение в русской социал-демократии, известное под названием «экономизм». Это течение, выдвигая на первый план экономические злостные интересы рабочего класса, отрицает целесообразность непосредственной политической борьбы против самодержавия, оспаривая вместе с тем значение нелегальной революционной деятельности.

Против этого одностороннего оппортунистического направления социал-демократической мысли выступает прежде всего Группа «Освобождение Труда», т.-е. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и Вера Ивановна Засулич. К членам Группы «Освобождение Труда» присоединяется небольшая группа товарищей, находившихся за границей, которые вместе образуют организацию «Революционный социалдемократ». К этому же течению присоединились впоследствии приехавшие за границу из России Ленин, Мартов и Потресов.

Революционная социал-демократия, с членами Группы «Освобождение Труда», и с Лениным, Мартовым и Потресовым во главе начинает издавать в Штуттгарте «Искру» и теоретический журнал «Заря». В этих изданиях, имевших, без сомнения, серьезное и историческое значение в русском социал-демократическом движении, Вера Ивановна работает, живо и активно, как в качестве редактора, так и в качестве публициста.

В «Заре» она помещает статьи, имеющие теоретическое значение для разработки вопросов научного социализма. Все статьи ее в «Искре» представляют огромный интерес с точки зрения оценки рабочего движения. Наш марксизм, не сомневающийся в этом, вспомнит эти работы, и наши рабочие будут учиться на них.

Четвертый период, в котором Вера Ивановна играет видную и серьезную роль — это период раскола на большевиков и меньшевиков, которому закладывается начало в 1903 г. на Лондонском съезде.

Вера Ивановна, П. Б. Аксельрод, Мартов и Потресов становятся во главе возникшего меньшевистского течения.

Вера Ивановна участвует во всех меньшевистских центральных организациях, являясь страстной и убежденной защитницей принципов меньшевистской тактики.

Далее, с самого начала войны 1914 г. Вера Ивановна, точно так же, как и Г. В. Плеханов и Л. Г. Дейч, продолжает стоять на точке зрения II Интернационала, т.-е. занимает оборонческую позицию. С момента возникновения организации газеты «Единство» Вера Ивановна, хотя и не принимает активного участия в ней, но стоит целиком на точке зрения «Единства». «Я счастлива,—сказала она мне, если не ошибаюсь в точности определения времени, в августе 1914 года,—что теперь между мною и Жоржем нет никаких разногласий<sup>1)</sup>).

— Жорж прав во всем, но что толку? «Единство» одиноко, — закончила она с глубокой грустью.

Вот суммарный перечень периодов исторической деятельности Веры Ивановны.

Во всех этих периодах, в которых Вера Ивановна преследовала свою многогранную сложную натуру, можно отметить одну преобладающую сторону. Это твердое и непоколебимое убеждение в необходимости *самодеятельности и сознания масс*.

В апреле 1919 г. меньшевики обороны вместе с группой «Единства» отпраздновали 40-летний юбилей со дня оправдания Веры Ивановны. На этом интимном торжестве выступали с теплыми, глубоко искренними речами представители, если память мне не изменяет, всех направлений революционной мысли.

Вера Ивановна, которая никогда не выступала публично, на этот раз взойшла на кафедру, к удовольствию всех присутствующих, и сказала: «Мы все говорили рабочим об их правах, но ничего не сказали им об их обязанностях. Между тем как рабочий класс, призванный играть такую огромную историческую и ответственную роль, имеет огромные и серьезные исторические обязанности».

Эти слова покойной Веры Ивановны должен крепко запомнить каждый истинный марксист и каждый сознательный рабочий. Кому много дано, от того много взыщется. Рабочий класс имеет великие исторические права, но и не менее серьезные исторические обязанности.

На этом я могла бы закончить эту сжатую статью, если бы речь шла не о Вере Ивановне, но когда речь идет о Вере Ивановне Засулич, невозможно кончить ее без того, чтобы не коснуться нравственной стороны этой крупной, исключительной личности.

---

<sup>1)</sup> В период «ликвидаторства» В. И. расходилась с Плехановым в вопросах тактики. Г. В. был, как известно, резким противником ликвидаторского течения.

## II.

Немецкие романтики любили употреблять термин «нравственный гений». Этот термин весьма метко и как нельзя более удачно характеризует некоторые исторические личности. Нравственный гений более редкое и более исключительное явление, нежели гений интеллектуальный. Сократ не превосходил своим умственным творчеством ни Платона, ни Аристотеля, ни других гениальных мыслителей, которых знает и которыми гордится человечество. Тем не менее Сократ больше всех других проник на волнах мировой литературы до самых отдаленных и глухих углов духовного бытия человечества.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к типу «нравственных гениев». В ней жило и действовало сократовское начало. Революционерка, истинная дочь своего народа, любившая и страдавшая за народ, как редко кто, готовая каждую минуту, в любой час дня и в любой час ночи, отдать свою жизнь за то, чтобы «на свободной почве стоять с свободным народом», Вера Ивановна оставалась в то же время отделенной, как бы изолированной от общей революционной среды, самостоятельной, своеобразной и замкнутой в себе индивидуальностью; ее прекрасные, живые и умные глаза ясно говорили о ее бесконечной доброте и полной искренности, но тут же чувствовалось, что там, где-то глубоко на дне души, есть святая святых, куда «мирянам» вход воспрещен.

В своем общем мироощущении Вера Ивановна была скорее оптимистической, жизнерадостной натурой. Она любила жизнь и некоторые вещи на нашей маленькой планете. Она питала нежную и страстную привязанность к природе, любила солнце, любила поэзию, любила цветы, которые разводила на своем клочке земли в Тульской губернии <sup>1)</sup> и о которых она мне с упоением рассказывала года четыре тому назад, что в этом году она посадила их сортов 20 и что все они изумительно как хорошо развернулись.

Работая над моими этюдами об Оскаре Уайльде, я как-то раз в беседе с ней заговорила о произведениях английского поэта. Оказалось, что и Вера Ивановна большая поклонница этого крупного и несчастного художника.

— Я еще не читала «De profundis'а», — заметила она.

— Почему?

---

<sup>1)</sup> На деньги, вырученные от продажи своих сочинений, В. И. приобрела себе в Тульской губернии избу с огородом, где проводила лето, начиная с 1907 года, сама занималась без посторонней помощи обработкой огорода, главным образом, посадкой цветов.



— Не попадался мне на глаза. Вам, верно, теперь эта книжка нужна для занятий, — заметила она с душевной деликатностью, которая была свойственна ей.

Я нашла в книжном магазине экземпляр лучшего издания и отправила Вере Ивановне по почте.

Недели две спустя при встрече я спросила ее мнения об этой печальной и красивой исповеди.

— Я еще не читала, — ответила В. И. — вещи таких писателей приятно читать летом в деревне, а я ведь скоро еду в свою хату.

Вера Ивановна охотно и с видимым удовольствием проводила время в кругу своих близких товарищей, с большим удовольствием посещала театр, которому придавала большое значение. Она не отставала от компании товарищей, когда последние отправлялись в ресторан, где она вместе с гораздо более молчаливыми, чем она, товарищами оставалась до поздней ночи, принимая живое участие в беседе и доставляя истинное наслаждение своим своеобразным юмором.

Короче — в натуре Веры Ивановны не было и следа скучных элементов аскетизма религиозно-христианской мистики. Отнюдь нет. Ведь она же написала, и с большим духовным наслаждением, интересную и содержательную биографию Вольтера, а внутренний и в положительном смысле интерес к «фернейскому философу» явно свидетельствует о психологическом отращивании к мистицизму и мрачным аскетическим тенденциям. Тем не менее общее отношение Веры Ивановны к жизненным материальным благам и наслаждениям отличалось сократовским спокойствием. Она любила многое, но с легкостью могла отказаться от всего. Поэтому, несмотря на всю живучесть ее сложной, вечно юной натуры, к ней вполне применимы слова Гёте: «Von der Gewalt die alle Wesen bindet befreit sich der Mensch der sich überwindet»<sup>1)</sup>.

Покойный Георгий Валентинович рассказывал мне, что в конце 80-х годов В. И. серьезно заболела. Обнаружились грозные признаки туберкулеза.

Нужда, конечно, была лютая. Члены ЦК германской социал-демократической партии, узнав об этом, поспешили на помощь популярной русской героине и прислали, если не ошибаюсь в цифре, 1.500 марок. Во всяком случае сумма была значительная, вполне достаточная для поездки в Италию и лечения. Но в это время очутился в Швейцарии один польский революционер — эмигрант, который мог найти польную безопасность лишь в Америке.

<sup>1)</sup> От власти, которая связывает все существа, освобождается человек, преодолевший самого себя.

Необходимы были деньги для его спасения. Вера Ивановна отдала всю сумму, полученную ею для лечения. Бебель, рассказывал Георгий Валентинович, был поражен, узнав об этом факте. Великий и истинный вождь германского пролетариата, исполненный высокого гуманизма, Бебель хорошо понял нравственное значение такого поступка. Крепко врезался этот поступок и в память Георгия Валентиновича, который мне два раза рассказывал о нем. Первый раз в Швейцарии лет 15 тому назад, а второй раз осенью 1917 г. в Царском Селе. Однажды вечером за чаем мы были только вдвоем — Розалия Марковна Плеханова была в Петрограде—и беседовали о главных деятелях мирового социализма. Речь зашла о Вере Ивановне, и Георгий Валентинович вторично рассказал вышеизложенный факт, забыв, разумеется, что мне он уже известен из его же слов.

Одной из отличительных черт нравственной природы Веры Ивановны было изумительное объективное, эпическое, т.-е. справедливое отношение к человеческим поступкам и слабостям. При возникавших конфликтах и трениях, неизбежных в партийной жизни, в особенности в эмиграции, всегда обращались к В. И. с приглашением принять участие в разбирательстве.

Ее суждение было высшей нравственной санкцией. Вера Ивановна была Сократом русской социал-демократии.

Много говорили да и писали о ее скромности. Помню, как будто это происходило вчера, следующий эпизод, характеризующий эту ее черту. В 1893 г. летом приехала в Женеву и явилась в семью Г. В. Плеханова мать Карла Каутского, покойная Минна Каутская. М. Каутская была писательница-романистка, писавшая свои произведения с явно социалистической тенденцией. В это время она писала роман, в котором намеревалась посвятить одну или две главы изображению отличительных черт русских революционеров. Имея в виду эту свою цель, она приехала в Женеву знакомиться с Верой Ивановной. Вера Ивановна жила в это время вместе с Г. В. Плехановым в одной французской деревне — Морне, кажется, в двух станциях от франко-швейцарской границы. Г. В. Плеханов был выслан из Швейцарии и поселился в Морне, руководствуясь близостью Женевы, где оставалась его семья. Я жила в Женеве, в семье Плеханова, и там же встретилась с симпатичной Минной Каутской, которая пригласила меня поехать вместе с нею в Морне. Поехали. Никогда не изгладится в моей памяти смущение Веры Ивановны при этих, как она впоследствии выразилась, «смотринах». Она выглядела, словно девочка-подросток, которой впервые надевают длинное платье и приводят в общество. Воспользовавшись предложением купить мяса для ужина, она ушла и вернулась часа через два. Минна Каутская

мало что узнала о характерных чертах русских революционеров, так как говорить с Верой Ивановной почти что не удалось. Но беллетристка, обладавшая некоторым художественным чутьем, все же кое-что отгадала в этой замечательной натуре. Когда я на возвратном пути задала ей вопрос, какое впечатление вынесла она о Вере Ивановне, она ответила: «Да это настоящая героиня. Ей противно все театральное». Заговорив об этом эпизоде, не могу обойти молчанием тот факт, что был явно смущен также и Георгий Валентинович. И он, этот блестящий собеседник, не любил «смотреть».

Вера Ивановна, действительно, отличалась большой, редкой скромностью, тем не менее эта скромность была не та скромность, которую восхваляют обыватели. Такой крупный человек, к тому же такая крупная революционерка, как Вера Ивановна Засулич, не может совсем не сознавать себя. Скромность ее имела глубокую психологическую основу. Мне кажется, что характер истинно великой личности проявляется, между прочим, в том, что она живет и отчетливее других сознает границы индивидуального познания и индивидуального умения. Ее скромность вытекала, поэтому, не из самоуничтожения, а являлась следствием высоких требований от себя. В этом отношении Вера Ивановна была требовательна до чрезвычайности.

Заканчиваю этот сжатый очерк, и в моем воображении снова и снова встает милый, обаятельный образ Веры Ивановны. Вижу ее доброе и умное лицо, ее славную белую голову, слышу ее голос, ее порывистую, полную жизни речь, и я снова спрашиваю, неужели в самом деле нет, нигде нет более Веры Ивановны, неужели мы ее более не увидим и неужели ее никогда не увидит ни одно живое существо?

Тяжело поверить в смерть любимых людей.

1919 г. Тамбов.

---

## СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Г. В. Плеханов (к 40-му юбилею) . . . . .	3
Из моих воспоминаний о Г. В. Плеханове . . . . .	17
Об отношении Г. В. Плеханова к искусству. По личным воспоминаниям . . . . .	27
Памяти Веры Ивановны Засулич . . . . .	37
А. И. Герцен (к пятидесятой годовщине смерти) . . . . .	47
Томмазо Кампанелла (к 350-летнему юбилею) . . . . .	56

---